

Абрамов Федор Александрович

Несмышлениши

В это утро мы с Вовкой славно поработали. Выкосили траву под окошками, засыпали семена и крупу в многочисленные тарелочки и черепушки для птиц, сменили воду в баночках и, сверх того, еще пропололи грядку клубники. Олена Даниловна, как истая крестьянка, была довольнехонька.

— Ну уж, ну уж какие у меня работники! — говорила она. — Чем только мне с этими работниками и расплачиваться. Разве что пирог со свежей капустой закатать...

— Не надо, бабушка, пирога, — сказал Вовка. — Ты лучше чегонибудь расскажи. — Да чего же я вам расскажу?

— А про бельчат, бабушка.

— На-ка, выдумал — про бельчат. А почему не ты? Ты ведь тоже знаешь.

— Олена Даниловна хитровато подмигнула мне.

— Давай не стесняйся. В школу пойдешь, что будешь делать-то, когда учительница спросит? Бабушки рядом не будет. Ну как? Жили-были... Вовка застенчиво прижался ко мне. Его маленькое сердечко воробьем запрыгало под моей рукой. — Ох ты зайчишка, зайчишка... Ну, жили-были две белки, у них родились деточки... Так? — Не так, бабушка. Неинтересно так.

— Давай как интересно.

— А ты сама знаешь как.

— Вот не любит сказок, — со значением заметила Олена Даниловна. — Все надо, чтобы по жизни было. А по жизни рассказывать, полдня надо положить. Все в строку лезет: и птичка, и сучок, и каждый чих. Люди-то увидят, что скажут... Бабка Олена с утра, скажут, языком мелет.

— А ты поближе к кустикам сядь, тогда и не увидят, — посоветовал Вовка.

— Да уж разве что к кустикам... Ну тогда так, Владимир, вместе будем. — Тут Олена Даниловна опять многозначительно подмигнула мне: дескать, ты уж извини меня, старуху, пожалуйста, а мне нельзя иначе, мне надо внука подучивать. Вовка, однако, подучиваться при мне не захотел, и Олене Даниловне пришлось скоро от этой затеи отказаться.

— Ох, Владимир, Владимир, — для порядка пожурила она внука, — ведь знаешь, с чего все началось. Когда мы первый-то раз белок увидели? — Весной.

— Вот видишь, все помнишь. Весной, весной мы первое знакомство свели с белками. Отец у нас в командировке, матери в больнице, а кто участок вскапывать? Земля-то не ждет. Ну, я на все запреты докторские махнула — поедем, Вова. И вот им, белкам-то, видно, интересно стало, чего это старый да малый все земле кланяются, — пойдём-ка, посмотрим. Ну, из лесу выскочили да вон на ту елушку.

— Олена Даниловна указала рукой на пушистое, густо усыпанное розовой шишкой дерево рядом с дровяным сараем.

— Вылезли, смотрят на нас, и, видно, уж понравились мы им с Владимиром — они и обгнездились на той елушке.

— Бабушка! — воскликнул Вовка.

— А кто первый их увидел?

— Бельчат-то? Ты, ты, Вова. Ох, что было!

— Олена Даниловна всплеснула руками.

— Утром вбегает ко мне на кухню — я как раз крапиву чистила, крапивник надумала варить: «Бабушка, бабушка, там котятки на елушке!» Где, какие котятки? Почто на елушке? А то, что это бельчата, у нас с Владимиром и в мыслях ни у которого нету. И вот ведь как тайно белки жили — мы даже и не знали, что у них там гнездо. Две недели, а то и три уж на даче жительствоуем, а их и в глаза не видели. Ну, я бегу за Вовкой, да ох же! — бельчата. Три сразу, четвертый-то больной был, уж после на глаза попал... Нет, — вдруг тяжело вздохнула Олена Даниловна и нахмурилась, — не

приведи господь, чтобы они еще раз к нам заявились. Я за прошлое лето извелась. И мои спокойя не знали. — А что так?

— Меня удивил этот крутой переход от детской радости и воодушевления к суровой озабоченности.

— А то, что горе с ними, маета одна. Я с ребятами со своими столько не переживала, сколько с этими бельчатами. Вот те бог.

— У них мать была нехорошая, — сказал Вовка.

— Сбежала.

— Да, сбежала, — не очень уверенно подтвердила Олена Даниловна, затем послала внука зачем-то в дом и, когда тот хлопнул дверью, сказала: — Это мы ему говорим, что сбежала, чтобы не расстраивать, — очень уж расстроистый, а на самом-то деле съел кто-то ихнюю мать — собака или кошка. А отец у бельчат нынешней породы, вертихвост, — пошутила Олена Даниловна, не видали при детях. Вовка обернулся быстрее ветра, в доме все было в порядке, и Олена Даниловна, похвалив его, повела рассказ дальше: — Хлебнули, хлебнули мы горюшка в то лето. Перво дело — люди. Весь поселок к нам переходил, каждый день экскурсии — все грядки у нас стоптали. Да грядки ладно — у отца у нашего и топтать — одна трава, да ведь им охрана, присмотр надо. Ну-ка, мало в поселке собак да кошек, а они глупые, несмышленыши, сами в пасть лезут. И никто не подучит — сироты, нету родителей. Ну днем мы с Владимиром начеку. То он, то я — всегда глазами там. А ночью-то как? Ночью-то кто их удозорит?

— А ночью, — нетерпеливо выпалил Вовка, — мы Василия Ивановича заставляли. Да, бабушка?

— Да, да, Василия Ивановича. Как хошь, говорю, Васенька, а придется тебе ночной досмотр на себя взять. (К этому времени я уже знал, кто такой Василий Иванович, или Васенька. Кот. Большой сибирский кот, который, по словам Олены Даниловны, был самой умной животинкой на свете и которого по старости — отнялись ноги — нынешней весной пришлось усыпить в больнице.)

— Выручал, выручал Василий Иванович. Я ночью проснусь, выйду, а он уж у ели — сидит да на ель смотрит. А то опять вдоль забора похаживает, чтобы кошка чужая на усадьбу не забежала. Ох, да сколько всего с этими бельчатами было — не пересказать. Хоть про ту же еду вспомнить. Попереживали мы с Владимиром. Матери нету — с голоду помрут. Мы уж и грибков-то сушеных на елушку навешали, и баночку-то с молоком под ель ставили, а потом, когда увидели — молодые побеги грызут, отлегло от сердца. Ладно, грызите, ребята. Ель у вас большая, надолго хватит. А одной ели мало — лес рядом.

— Бабушка, а как они ползать учились, помнишь?

— Как не помню. Не по веткам — по сердцу твоему ползают. Ножишки слабые, расплазуются, коготки жиденькие, не багрят, — смотришь, один покатился, другой, — вот-вот на землю шмякнутся...

— А про грозу, бабушка, забыла? — еще про один случай напомнил Вовка. — Ты еще папу уговаривала лестницу поставить. Олена Даниловна, к этому времени начавшая было заметно остывать, снова воспламенилась. — Ну, это мертвый номер в цирке, — по-современному выразилась она. — Детсад на качелях. Вон с елью-то рядом видишь клен? Так вот, ель свою оползали — на клен пойдем. А что из этого получится, разве такие дурахи думают? Ну, на клен просто — здоровый сук в ель упирается. А как с клена на ель попасть? Веток у клена много, поди угадай, которая к твоему дому, которая от него, а прыгать еще не можем — не научились. И уж они тычутся! Туда-сюда, по той ветке, по другой, по третьей — заблудились! И вот раз на этом-то самом клену их и застала буря. Страшная. С грозой, с молоньей. Мы с Владимиром на другой день в лес пошли — вот такие ели вповалку лежат. Ну, три-то, которые посильнее да побойчее, быстро домой попали, а четвертый-то, горемычный, и остался. Ой! Уж так его полоскало да мотало, мы думали, живого места не останется. Дождь, по-бывалошному сказать, в вожжу, розы у нас растерзало начисто, а на грядках такие дыры навертело — кротам не навертеть...

— Бабушка, а ему после этого дождя лучше стало, да?

— Бельчонку-то? Лучше. Дождь первый помощник у жизни. У нас, бывало, в деревне всегда ребенка на дождь выставляют. Бежи, скажут, на улицу, подрасти немножко. А эти после дождя просто басурманами стали. Ой, что тут делалось! Ведь они мало того, что с дерева на дерево прыг-скок, на землю спустились. Утром в окошко глянешь — что за огоньки из травы выскакивают? А то они возле ели своей играют. А то опять сядешь на скамейку — на, прибежали. Согласны по тебе бегать... Олена Даниловна посмотрела на небо — там было синее. В воздухе сильно пахло подсохшей травой. Птицы в саду примолкли.

— А ведь к дождю дело-то идет, — сказала она озабоченно и начала вставать. Мы с Володей быстро сносили траву в сарай. Сама Олена Даниловна отправилась в дом, чтобы на случай грозы укрыть на кухне светлую посуду. Однако грозы на этот раз не было. Дождь тоже пронесло стороной, так что через каких-нибудь полчаса мы снова оседлали скамейку, правда без Вовки. Вовка с плетеной корзинкой пошел рвать заячью капусту для черепахи. Я хотел было тоже пойти с ним — веселее вдвоем ребенку, но Олена Даниловна меня остановила:

— Ничего. Пускай идет один. И так самостоятельности не хватает. Я, бывало, в его годы хлеба уж себе зарабатывала. Олена Даниловна была чем-то явно недовольна. Я попытался вернуть ее к нашему недавнему разговору о бельчатах — мне все-таки интересно было знать, что с ними стало, заявлялись ли они весной на усадьбу или нет. Но старуха и на это откликнулась без прежней живости.

— Нет, не заявлялись, — сказала она сухо. Потом вдруг черные глаза ее гневно сверкнули, и она добавила:

— Мудрено им было заявляться-то, когда их еще осенью загубил Васька Шиш. Есть тут у нас в поселке один горький пьяница — все от него стонут. Уж каждый день, каждый день пьяный. Женка бедная во все газеты писала: заберите от нас пьяницу, погибаем. Не берут. Сам мне признался.

Весной встречается на дороге, рот до ушей: «Спасибо, Даниловна, за выручку. Я, говорит, на твою пушнину два дня газовал...» Олена Даниловна старательно поправила белый платок на голове, поглядела в сторону леса, куда ушел внук. — На моей совести эти несмышлениши. Я виновата. — Да почему же, Олена Даниловна?

— А потому что не то воспитанье дала. Ведь они звери, им в лесу жить, а я их к человеку приучала. Вот и приучила. Тот Шиш их без ружья осенью взял. Сам похвалялся... Нет, не всякое, видно, добро впрок, — философски заключила Олена Даниловна и опять устремила взгляд на зады.

— Добро-то, оказывается, тоже надо делать умеючи.